

РОБЕРТО САНТЬЯГО

Детективы Футболисты

ТАЙНА
ОГНЕННОГО
ЦИРКА

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Энрике Лоренсо

Роберто Сантьяго
Детективы-футболисты.
Тайна огненного цирка
Серия «Детективы-футболисты»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69137626
Детективы-футболисты. Тайна огненного цирка:
ISBN 978-5-17-148639-6*

Аннотация

Очередная невероятная история из жизни школьной футбольной команды Сото Альто. На этот раз они играют последний матч сезона – дети против родителей, а после этого отправляются смотреть финал Кубка и попадают на представление Огненного цирка. И, конечно же, именно тут всё закручивается, как футбольный мяч в полёте.

Роберто Сантьяго был сценаристом на телевидении, редактором и продюсером, а сейчас – один из самых успешных авторов Испании.

Серия про детективов-футболистов стала настоящим культурным феноменом, это одни из самых продаваемых книг в Испании, они переведены на разные языки мира, а в 2018 году даже были экранизированы.

Для среднего школьного возраста.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Роберто Сантьяго
Детективы-футболисты.
Тайна огненного цирка

EL MISTERIO DEL CIRCO DEL FUEGO

© Text by Roberto Santiago

© Illustrations by Enrique Lorenzo

© Ediciones SM, 2016

© E. Фадеева (2023)

1

Я ставлю мяч на точку пенальти. Смотрю на него и чувствую, как капля пота медленно стекает по моему лбу. Я слышу крики вокруг себя:

– Давай, Пакет!

И думаю: «Я должен, должен, должен забить его во что бы то ни стало...».

Это очень важный пенальти, последний в сезоне, и мне надо его забить.

Я поднимаю голову.

Смотрю на ворота и чувствую, как меня охватывает тоска. Передо мной стоит исполинский голкипер, почти вдвое больше меня. Его тело практически полностью загораживает ворота. А длинные руки машут в разные стороны: явно, чтобы сбить меня с толку. Но самое ужасное, что этот гигантский детина... мой отец! Только не подумайте, что я вам тут свой сон рассказываю, ночной кошмар или что-то в этом роде. Всё это происходит в реальности и носит ужасное название «Детско-родительский матч». Последняя, кстати, наша игра в сезоне. Сейчас утро воскресенья. Дело происходит на поле школы Сото Альто, нашей школы. Некоторые считают, что детско-родительский матч не такой важный, потому что не является официальным. Скажу вам прямо: те, кто так думает, глубоко заблуждаются. Начать с того, что проходит этот матч всегда в начале летних каникул. А это значит, что те, кто выигрывает, всё лето потом отпускают шуточки в адрес проигравших.

Но главное даже не это, а то, что ставки в этом году высоки как никогда. Дело в том, что летом у нас запланировано путешествие для всей команды. И то, куда мы поедем, напрямую зависит от того, как мы сыграем. Если мы облажаемся, направление будут выбирать наши родители. А они, как известно, повезут нас в Рим. Станут таскать нас там по музеям и заставлять фоткаться у развалин. А мы всю поездку будем умирать от скуки. Нет, мы ничего не имеем против всех этих «полезных для кругозора» экскурсий, но только не в конце года, пожалуйста, только не в конце!

Но зато если уж мы выиграем, то сможем сами ткнуть пальцем в глобус (в пределах разумного, конечно), и тут уж мы своего не упустим! Мы выберем поездку в парижский Диснейленд! В самое лучшее место на свете! Там есть удивительные аттракционы: Армагеддон, американские горки, Пираты Карибского моря и многое другое. Ещё там можно перекусить в таверне, оформленной в стиле Дикого Запада, или выпить чего-нибудь освежающего в самом настоящем средневековом замке. И то, сможем ли мы побывать в этом крутейшем месте, теперь напрямую зависит от одного-единственного пенальти.

Честно говоря, удивительно, что эта игра вообще состоялась. В конце недели происходило так много странных вещей, из-за которых она могла сорваться. Но вопреки всему, мы на поле, идём со счётом 1:1, и времени до конца матча остаётся совсем мало. Я готовлюсь забить пенальти, я должен сделать это во что бы то ни стало, чтобы все каникулы дразнить потом наших родителей!

Ну, и потому, что нас ждёт Диснейленд, конечно.

– Ну, давай, ударь уже по мячу, молокосос! – кричит моя мать с боковой. Мама – тренер команды взрослых, и в данный момент она совершенно не в себе. – Твой отец его остановит, даже не сомневайся!

Моя мама обожает футбол. Мне кажется, она любит его больше всего на свете. Особенно матчи Атлетико Мадрид, её любимой команды. Из всех отцов и матерей в школе она

лучше всех разбирается в футболе. Наверное, поэтому они и выбрали её в качестве тренера.

Я переглядываюсь со своими товарищами по команде. Я вижу Алёну-не-путать-с-Еленой: лицо у неё сосредоточенное, если мяч отскочит, она сделает всё возможное, чтобы его перехватить. Алёна кивает мне, как бы говоря: «Ты сможешь». С другой стороны штрафной зоны я вижу Мэрилин, капитана нашей команды. Она тоже выглядит очень серьёзно. Мэрилин машет мне рукой и произносит тихо, но чётко:

– Возьми и забей!

Я судорожно сглатываю. Судья говорит:

– Вперёд!

И дует в свисток: фюииииииить...

Я смотрю на небо.

На мяч. И на отца. Тот продолжает непрерывно двигать руками, пытаясь заставить меня нервничать. Думаю, вы видели по телевизору, как ведут себя некоторые вратари. Я делаю шаг назад. Разбегаюсь, готовый ударить. И...

– Пожар! – кричит кто-то. – Пожар! Пожар!!

Что? Я поворачиваюсь и вижу Эстебана, директора нашей школы. Он выбежал на поле и вопит: «Пожар!». А позади него действительно краснеет что-то, сильно напоминающее языки пламени.

Не может этого быть! Конечно, сейчас лето, и пожары случаются. А в последние выходные в нашем городе и окрестностях вообще произошло несколько необъяснимых возго-

раний.

Но чтобы такое приключилось в школе... В нашей школе! Неужели теперь она тоже сгорит? Все вокруг бегают и кричат:

– Огонь!!! Горим!!

А я стою как парализованный. Что теперь будет? Наша школа сгорит? Или пожарные успеют приехать и потушить пожар? А полиция приедет? А машины скорой помощи? Должны ли мы сейчас эвакуироваться с поля? И самое главное. Если школа всё равно сгорит... Нельзя ли немного подождать, пока я забуду пенальти?

2

Меня зовут Франсиско, хотя все вокруг зовут меня Пако, Пакито или Пакет. Мне одиннадцать лет. Я живу в небольшом городке в горах под названием Севилья-ла-Чика. Те, кто остряками себя считают, вечно пытаются смеяться над этим названием. Мол, раз «чика», то есть «девчонка», значит, девчачий у нас город и всё такое. Лично я не вижу тут ничего смешного. Вся эта история с пожаром приключилась в субботу утром. Стояла жара. Уроки закончились.

А у меня было прекрасное настроение. Ещё бы: я ведь собирался провести незабываемые выходные. Это должны были быть такие выхи, которые входят в историю. Я могу назвать вам целых три причины, по которым их можно было смело называть историческими.

Первую вы уже знаете: именно в эту субботу должен был состояться последний за сезон матч, детско-родительский. Победитель решает судьбу каникул: скучные экскурсии или

улётный Диснейленд! Во-вторых, в воскресенье в шесть часов мы собирались пойти... на стадион Висенте Кальдерон, чтобы посмотреть финал Кубка! Самую важную игру года: Атлетико Мадрид против Барселоны. И компания собиралась что надо. Девять игроков Сото Альто: то есть все мои товарищи по команде. Мои лучшие друзья и подруги. С нами должна была идти моя мама. Это ей, с помощью мэра и директора, удалось выбить десять билетов на стадион Кальдерон. На главную игру сезона. Не всякая мама способна на такое, скажу я вам. Ну, а третьей причиной, по которой этот уикенд должен был стать супермегаофигенным, уикендом года и всё такое, был... цирк.

Огненный цирк.

– Франсиско, побежали, цирк приезжает! – закричала моя мама, вбегая на кухню. Мы с моим братом Виктором сидели за столом и завтракали. На часах было больше одиннадцати утра. По субботам мы с братом поздно завтракаем. Мама посмотрела на нас и повторила:

– Цирк! Там целый парад, они сейчас входят в город, вы должны это видеть! Весь город собрался!

– Цирк – это для мелких, – сказал мой брат. Виктору четырнадцать, и он всегда всё отрицает: такой возраст.

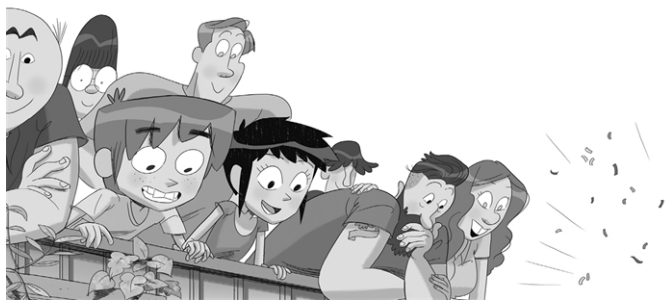
– Ну что у тебя за характер, Виктор, – сказала мама. – Давай, Франсиско, пойдём на главную улицу. Посмотрим цирк, парад, кажется, там привезли лошадей и слонов....

– Животные в цирках запрещены, – снова подал голос мой

брат. – Животные должны жить на свободе, а мучить их в цирках и зоопарках – это зло!

– Когда это ты успел стать экологом и защитником животных? – спросила моя мать. – Лишь бы поспорить.

Виктор пожал плечами и сделал глоток из миски с молоком и хлопьями, издав при этом ужасный хлюпающий звук ртом. Думаю, он специально так сделал.

– Виктор, сколько раз говорила: не издавать за едой никаких звуков, – сказала мама.

– Сегодня суббота, – пожал плечами мой брат.

– И что? По субботам можно есть как свинья?

– По субботам можно отдохнуть от правил, – сказал Виктор.

– Это ты так считаешь, – возразила мама.

Мать и Виктор могли продолжать так всё утро. Вот эти вот споры ни о чём. Поэтому я решил положить этой канители конец. Я встал и сказал: «Давай, мама, пойдём посмотреть цирк».

Я вообще никогда раньше не интересовался цирком. Клоуны, акробаты: это всё совершенно не моё. Но чтобы выбраться из этой тягомотины, я готов был пойти куда угодно: даже посмотреть парад циркачей. К тому же, если задуматься, не каждый же день в Севилья-ла-Чику приезжает настоящий цирк. Мама подумала секунду, как будто не ожидала, что я так быстро соглашусь. А потом сказала:

– Давай, идём.

И мы направились к центру города. Пока мы шли, мама вводила меня в курс дела: по своему обыкновению, она успела уже разузнать все детали.

– «Огненный цирк»: так это называется. Очень известный коллектив, долго гастролитировал по всей Европе. И наконец добрался до нас в честь начала школьных каникул.

По мере того как мы приближались к главной площади, звуки музыки становились всё громче. Мы завернули за угол и увидели огромную толпу людей. Они сгрудились вокруг площади и главной улицы. Судя по всему, многие приехали и из других городов, чтобы посмотреть на парад. Наро-

ду было так много, что увидеть что-либо за плотной стеной из вспотевших, подпрыгивающих от возбуждения тел оказалось просто нереально. Оставалось только догадываться, что там происходит. Например, когда раздался грохот барабанов и звук трубы, между спинами смотрящих я на секунду увидел фигуры акробатов, выполняющих сальто. Потом акробаты, по-видимому, закончили своё выступление: послышался фыркающий звук, похожий на дыхание кого-то огромного... Но что это было, я понять уже не смог.

Мать отчаянно искала, где бы примоститься. В конце концов, она взобралась на фонарный столб и сделала мне жест: забирайся, мол, тоже. Я уже собирался атаковать фонарь, как услышал знакомый голос, который раздавался откуда-то сверху:

– Сюда, Пакет!

Я поднял голову. И увидел Алёну-не-путать-с-Еленой. Она стояла на большом балконе вместе с дюжиной каких-то людей.

– Отсюда отлично видно! – кричала она. – Седьмая квартира! Поднимайся!

Я обернулся: дверь в подъезд была открыта. Но из-за криков, шума и музыки я плохо расслышал, что она сказала.

– Восьмая? – переспросил я.

– Седьмая! – повторила она.

– Восьмая? В как ворона? – уточнил я.

– Седьмая! С как сосиска! – раздражаясь, крикнула Алё-

на.

– Понял! – сказал я, улыбаясь как дурак.

Алёна-не-путать-с-Еленой – моя подруга по футбольной команде. Мало того, что она лучшая в команде, у неё ещё и самые большие глаза в школе, и вообще она самая красивая среди всех шестых классов. А теперь, выясняется, у неё есть балкон с видом на площадь.

– Мама, можно я поднимусь к Алёне? – крикнул я, подняв голову: мама всё ещё сидела на фонарном столбе.

– Иди, иди! – не раздумывая, ответила она.

Я вошёл в подъезд, поднялся по лестнице и без труда нашёл седьмую квартиру. Алёна встретила меня в дверях и, схватив за руку, потащила на балкон.

– Это великолепно, вот увидишь! – сказала она.

– Да-да, с другой стороны, это всего лишь цирк... – начал я, но продолжить не смог, потому что в этот момент я услышал сильный грохот, доносящийся с улицы. Потом слышались крики. Я вышел на балкон и посмотрел вниз.

То, что я увидел, заставило меня открыть рот от изумления и потерять дар речи. Вся площадь была занята артистами Огненного цирка. Кого там только не было: и музыканты, и канатоходцы, и дети верхом на лошадях, и всевозможные животные... Но главное, там был огонь... Много огня. Повсюду.

Я стоял на балконе, выходящем на площадь, и видел сотни людей, наблюдавших за цирковым парадом. В какой-то момент я почувствовал, что Алёна-не-путать-с-Еленой взяла меня за руку. Наверное, это не самая важная деталь, но я почему-то очень хорошо её запомнил. Тут в центр площади протиснулся человек в красном костюме и странном вытянутом цилиндре и принялся вещать с непонятным акцентом:

– Огненный цирк – это больше, чем цирк! Такого вы ещё не видеть!

Мужчина говорил в мегафон, который выглядел очень старым.

Вокруг него происходили всякие удивительные вещи. Там, например, был очень необычный оркестр, музыканты которого стучали в барабаны, вращаясь внутри огромных прозрачных шаров! Некоторые из них трубили в трубы, а двое даже играли на аккордеоне. В другой части площади бодро шли на руках десятков юношей и девушек, одетых в красное. Ну, как шли: одни из них ехали на велосипедах, выполняя стойку на руках. Другие катили руками какие-то цветные бочки, вытянув ноги к небесам. А третьи перебирали ладонями по земле: то есть, можно сказать, действительно шли.

Складывалось впечатление, что хождение на руках совсем их не утомляет. Эти люди улыбались так, будто это было самым обычным делом на свете.

– В Огненном цирке всё перевернуто с ног на голову: здесь люди ходят на руках, едят ногами, а спят в воздухе! Здесь земля, небо и море могут поместиться в один маленький стеклянный стакан. Здесь время замирает в сумерки. В солнечную погоду здесь все мокнут, а в дождь надевают купальники.

Тут я заметил огромный тёмно-красный ящик на колесах. Он был размером с один из тех переносных шатров, которые таскают за собой циркачи. Ящик за толстые цепи тащили несколько крупных мужчин в капюшонах. По тому, с каким видимым трудом они это делали, можно было понять, что груз был очень, ну просто очень тяжёлым.

– Но самое главное, что есть в нашем цирке, – это огонь! Много огня! И мы умеем им повелевать! – заявил человек в цилиндре.

И, словно подтверждая его слова, в ту же секунду на площадь выехали несколько парней и девчонок на конях. В руках у некоторых были какие-то металлические палки. Всадники дули в них, и из палок вырывался огонь. Честно говоря, они очень круто выглядели на этих своих белых лошадях в окружении языков пламени. Один из мальчиков, очень смуглый и кудрявый, одетый в длинный плащ, сделал какое-то движение руками, и его плащ загорелся у всех на глазах! Сам

он при этом продолжал скакать верхом, и никто: ни остальные участники шоу, ни даже его конь, казалось, ничуть не испугались. Он горел с таким невозмутимым видом, как будто принимал солнечные ванны!

– А теперь я представлю вам главную звезду нашего цирка, великую звезду! – с восторгом сообщил человек в цилиндре. – Сразу оговорюсь, что это не мужчина и не женщина, и даже не животное! Наша великая звезда – существо мифическое! Пришедшее из потусторонних миров! Дамы и господа, мальчики и девочки, встречайте: Великий Огненный Дракон!

И видимо, чтобы убедиться, что мы всё правильно слышали, человек в котелке повторил, делая паузы между словами:

– Великий... Огненный... Дракон!!!

– Он сказал дракон? – переспросил я Алёну, сам не зная зачем.

– Похоже на то, – ответила Алёна, не отрывая глаз от происходящего.

Люди в капюшонах тем временем отпустили цепи. И поставили красный ящик на землю. На площади воцарилась гробовая тишина. Все смотрели на гигантскую коробку и ждали, что будет. Алёна крепко сжала мою руку.

Один из мужчин в капюшонах с силой стукнул переднюю часть коробки, она открылась, и мы увидели, как изнутри повалил дым. Сначала дыма было немного, но потом его ста-

ло становиться всё больше и больше, и постепенно всю площадь накрыло самой настоящей дымовой завесой.

– Великий Огненный Дракон! – в очередной раз повторил человек в цилиндре и снял свой головной убор, будто здороваясь с чудищем.

Послышалось что-то вроде громкого дыхания. Я встал на цыпочки на балконе, чтобы получше рассмотреть, что происходит. Но из-за дыма ничего не было видно. Наконец, мне показалось, что я заметил шевеление. И точно: из ящика выглянуло что-то круглое. Круглое, зелёное и огромное... Глаз! Даже не глаз, а глазище: возможно, самый большой из всех, что я когда-либо видел в жизни. Люди на площади и балконах, открыв рот, смотрели на происходящее. Тут глаз дёрнулся, и из ящика вырвалось пламя. Яркая жёлто-красная вспышка взмыла в небо и, казалось, достала до облаков!

Народ на площади и близлежащих улицах заорал. А когда сотни людей кричат одновременно, ну, вы можете себе

представить. Думаю, нас услышал весь город и пригород тоже. Люди в капюшонах бросились деловито накрывать коробку огромной металлической крышкой. Пока они это делали, дым изнутри всё валил и валил.

Человек в цилиндре вновь схватил мегафон и сказал:

– Меня зовут Джеремиас Мааруфи, к вашим услугам! Это Огненный цирк, уникальное шоу мирового масштаба! Если вы хотите увидеть огненного дракона и другие чудеса, не пропустите представление сегодня вечером! Мы ждём вас!

Присутствующие зааплодировали.

Вновь зазвучали трубы и барабаны. И весь цирковой люд, лошади с мальчишками и девочками в сёдлах, люди, гуляющие на руках, люди в капюшонах с ящиком на цепях, музыканты в шарах и без шаров, – все двинулись по улице.

– Не забудьте! – вновь взревел Джеремиас Мааруфи. – Сегодня, в ночь Святого Хуана! Огненный цирк, величайшее шоу в мире!

Я вообще думал, что цирк – это что-то совсем другое. Спектакль для малышей, как говорил мой брат Виктор. Но это... Я никогда в жизни не видел ничего подобного. И, конечно же, я собирался пойти вечером на шоу! Я собирался быть там первым, чтобы не упустить ни одной детали этого невероятного представления! Мы с Алёной переглянулись.

Честно говоря, это можно было не обсуждать. Но мы всё равно зачем-то это сделали.

– Пойдём вместе в цирк? – спросил я.

– Конечно! – ответила она.

Тем временем люди на балконе продолжали аплодировать и переговариваться.

– Эффектное зрелище, – говорили одни.

– Такое нельзя пропустить! – с восторгом заявляли другие.

– Странно, никогда раньше не слышал о таком цирке, – удивлялись третьи.

В этот момент на площадь, крича, выехал какой-то мальчик на велосипеде. В первое мгновение я подумал, что это ещё один циркач. Но вскоре стало понятно, что это не так.

Этого парня я очень хорошо знал: это был Камуньяс! Вратарь нашей футбольной команды. Вид у него был какой-то перекошенный. Не слезая с велосипеда, Камуньяс завопил:

– Пожар!

Люди засмеялись.

– Да, парень, мы уже видели, – крикнул какой-то мужчина, высунувшись из окна. – Только это не пожар, а Огненный цирк.

– Опоздал ты, милый, с новостями, – сказала пожилая женщина и тоже рассмеялась.

– Да нет же, нет! – запротестовал Камуньяс. – Там реальный пожар!

Из толпы высунулся сотрудник муниципальной полиции в форме. Мой отец. Он подошёл к Камуньясу и строго спросил:

– О каком пожаре ты говоришь?

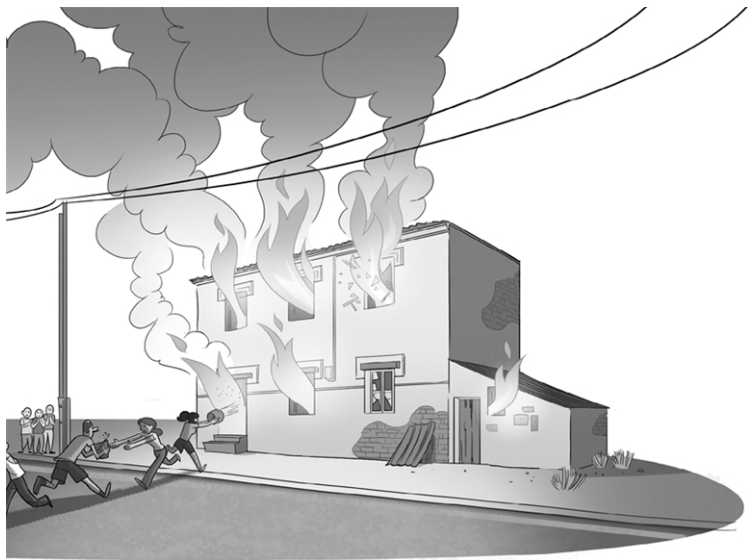
Камуньяс нетерпеливо фыркнул и показал куда-то в сторону горизонта.

– У въезда в город! Горит старый заброшенный дом! Это настоящий пожар, клянусь вам!

Так, собственно всё и началось. Тот пожар был первым в те выходные. И, увы, он оказался не последним.

4

Кличка Камуньяса: Уши. Это всё из-за ушей: они у него очень большие. В команде он играет под номером 1. Любимое занятие Камуньяса – привлечь к себе внимание. Иногда для этого он принимается фантазировать, как было в тот раз, когда он заявил, что видел в лесу НЛО. Или как тогда, когда он сказал нам, что был в отпуске на греческих островах, хотя на самом деле он всё лето проторчал в деревне у своих бабушки и дедушки. Но на этот раз Уши не просто привлекал к себе внимание: он говорил правду. Горел старый заброшенный дом. Пламя рвалось из окон и дверей. Это был самый настоящий пожар.

Соседи оказались организованные: часть из них быстренько выстроилась в цепочку и принялась забрасывать дом ведрами с песком. Другие занялись рытьём канав вокруг дома, чтобы огонь не распространялся.

– Брандмауэр, – объяснил Камуньяс, который, похоже, превратился в эксперта по пожарам.

– Мама сказала мне, что был пожар и чтобы я даже не думал выходить на улицу, – сказал Грустный, который в этот момент тоже подходил к заброшенному дому.

Грустный – ещё один игрок нашей футбольной команды. Правый защитник. Грустный всегда всего боится и из-за всего впадает в депрессию: такой человек.

– Если тебе запретили, зачем ты тогда пришёл? – спросила Алёна.

– Хороший вопрос! – ответил Грустный с таким видом, как будто он только сейчас осознал, что не послушал свою мать. – Я не знаю! Я увидел, что все идут, и пошёл тоже. Я не знаю, что теперь делать. Мне остаться, пойти домой или как?

В этот момент подъехали пожарные с включённой сиреной на красном грузовике.

– Обожаю пожарных, – сказал Томео.

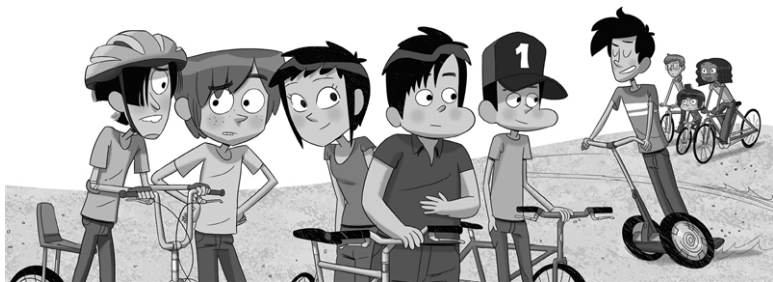
Центрального защитника нашей команды зовут Томео. Томео очень крупный, и, хотя он не прирождённый футболист, он всегда вкладывает в игру много сил и, наверное, поэтому толк от него есть. Томео только что припарковал свой велик рядом с нашими и теперь с восторгом смотрел на горящее здание.

– Хорошо, что ты приехал, Томео, – сказал Грустный. – Это очень опасный пожар, мне вообще нельзя тут находиться. Видимо, нам больше не придётся играть в заброшенном доме ни в прятки-догонялки, ни в зомби, ни во что. Ты посмотри, как горит! Как такое могло случиться?

– Может, это дракон? – предположил Тони, смеясь.

Его только здесь не хватало. Тони забивает у нас больше всего голов в команде, но при этом он ужасный выпендрёжник с зашкаливающим ЧСВ: чувством собственной важности, ну, вы понимаете. Он вечно прикалывается и считает себя суперстроумным, хотя это совершенно не так. Кстати, приехал он не на велике, как все, а на электросамокате, который его отец привёз ему из Японии. Такой чёрный самокат

с маленьким мотором и рулём, надавив на который телом, можно ускориться или замедлиться.

С тех пор как у Тони появилась эта штуковина – а это произошло неделю назад, – он везде ездил на ней и называл её «Сузука», понятия не имею почему. Отец Тони владел фабрикой по производству картофельных чипсов на окраине города и много путешествовал. Некоторое время назад ему пришлось закрыть компанию: он был на грани банкротства. Но теперь дела фабрики снова шли хорошо, и, видимо, они опять продавали эти свои чипсы по всему миру, особенно в Азии.

– Азиаты обожают чипсы, – говорил Тони, повторяя за своим отцом.

Короче говоря, выпендрёжник так сроднился со своим драндулетом, что казалось, он теперь никогда с него не слезает и тащит его с собой даже в постель.

– Ты правда думаешь, что это дракон? – спросил Грустный

испуганным голосом.

– Драконов не существует, – ответил Тони.

– О, нет? Но как ты можешь быть уверен? Что же было тогда внутри того ящика у циркачей? И почему ты сказал, что, может быть, это был дракон, если их не существует?

– Это была шутка, Грустный, – сказала Мэрилин: она тоже только что приехала и успела услышать часть разговора.

Мэрилин – капитан нашей команды. И самый быстрый наш игрок. Она приехала на велосипеде.

– Ну, если это шутка, то она дурацкая, – обиженно проговорил Грустный.

Вслед за Мэрилин прибыли последние два члена команды: Восьмой, самый низкий игрок, и Анита, запасной вратарь, очень высокая девочка в очках. Итого нас было девять человек. Футбольная команда школы Сото Альто. Футбольнейшие: мы сами так себя называли из-за тайного договора, который заключили однажды ночью давным-давно. Договор был очень простым: мы пообещали, что всегда будем играть вместе и помогать друг другу, один за всех и все за одного, короче говоря.

В общем, мы стояли все вдвядцетером и смотрели, как пожарные тушат пожар. Соседи уже разошлись и оставили заканчивать дело профессионалам. Те размотали очень длинный шланг и заливали дом какой-то пеной.

– Сначала песок, потом пена, – сказал я. – А я всегда считал, что пожары водой тушат. – На самом деле вода может

даже наоборот раздуть пламя, – авторитетно заметил Камуньяс. – Всё зависит от силы ветра.

Я уже говорил, что наш вратарь заделался большим знатоком пожаротушения.

Мой отец тоже приехал на место: он припарковал свою патрульную машину в нескольких метрах позади и разговаривал с кем-то по рации. Может, с центром. Закончив говорить, он отключился и подошёл к нам с блокнотом в руке.

– Как дела, ребята?

– Здрасьте! – сказала Мэрилин. – Это случайный пожар или поджог?

– Пока неясно, – ответил отец. – Посмотрим, Камуньяс, когда ты впервые увидел огонь?

– Ну, недавно, – ответил Камуньяс, немного нервничая. – Я как увидел, так сразу и погнал рассказать всем, клянусь.

– Ты не должен клясться, мы тебе и так все верим, – сказал мой отец. – Попытайся вспомнить: когда ты увидел пожар, горел весь дом или только его часть? Я хочу понять, как всё началось. Что именно ты видел?

Камуньяс тяжело сглотнул. Он покраснел. Потом пожелтел. Потом снова покраснел.

– Ты в порядке, Камуньяс? – спросила Алёна.

Тот отрицательно покачал головой. Было похоже, что он задыхается. Мы все столпились вокруг него, не зная, что предпринять.

– Может, вызовем скорую? – спросила Мэрилин.

– Моя бабушка один раз тоже очень сильно покраснела, когда потеряла вставную челюсть, – заметил Томео.

– Не понимаю, при чём тут твоя бабушка, – сказала Алёна.

– Ни при чём, я поддержать разговор просто, – объяснил Томео.

Отец попросил нас отойти в сторону и оставить Камуньяса в покое. Наконец, к Ушам вернулся дар речи и он выпалил:

– Ладно! Это был я! Я устроил пожар! Я играл с зажигалкой и ветками, и всё вышло из-под контроля. Я поджигатель! Я признаюсь! Судите меня!

Пироманьяк: человек, которому доставляет удовольствие устраивать пожары. Судя по всему, пироманьяки часто устраивают поджоги просто так, безо всякой причины. Лишь бы увидеть огонь, пламя, вспышку. Честно говоря, я этого понять никак не могу. Не могу понять, как можно поджечь нарочно, просто так.

Впрочем, в жизни есть немало других вещей, которых я не могу взять в толк. Квадратные корни, например.

Или когда кому-то нравится овощное пюре. Или когда мой брат даёт мне пинка. В мире есть масса непонятного. Но всё равно я не думаю, что мой друг Камуньяс – пироманьяк. Хотя огонь, судя по всему, он любит. Даже слишком.

– Что теперь с ним сделают? – спросил Томео.

– Может, в тюрьму посадят, – предположил Тони.

– Как его могут посадить, если он ребёнок! – не согласилась Мэрилин.

– Ну, не в тюрьму, в исправительное заведение для несовершеннолетних, какая разница.

– И мы больше никогда его не увидим? – испуганно спросил Грустный.

– Давайте не будем забегать вперёд, – предложила Алёна. – Камуньяс сказал, что играл с зажигалкой и нечаянно устроил пожар, не специально.

– Да, конечно, – иронично заметил Тони.

– На что ты намекаешь?

– Ни на что не намекаю, – сказал Тони, наклоняясь вперёд на своем электросамокате. – Я прямо говорю, что Камуньяс поджёг дом специально. Он хотел увидеть, как дом будет гореть. Лично я его за это не виню: мне самому иногда приходила в голову такая мысль.

– Ты думал о том, чтобы поджечь дом? – удивлённо спросила Анита.

– Ну, я уверен, что и ты тоже, – скривился Тони. – Это же старая развалюха, кому она нужна. Да она сама просилась, чтобы её подожгли. Я уверен, что каждый из вас когда-либо задумывался о фаер-шоу в этих стенах.

Мы все переглянулись. Я попытался понять, думал ли когда-то о чём-то подобном. На секунду в моём сознании промелькнуло что-то вроде сомнения и тут же исчезло. Нет! Если бы я думал о таком, я бы наверняка это запомнил.

– Мне такое никогда в голову не приходило, – сказал Грустный. – Меня пугает огонь.

– Да тебя всё пугает, – сказал Тони. – Ладно, Грустный не в счёт.

– Я тоже о таком не думал.

– И я.

– И я.

– Я тоже нет.

– Ладно, ладно, – сказал Тони. – Тоже мне, белые полта. А я думал. И, судя по тому, что вы видите, Камуньяс тоже.

– Извините, но я пойду домой, эта история с огнём вызывает у меня неприятные ощущения, – сказал Грустный.

И уехал. А мы остались стоять перед полицейским участком, куда некоторое время назад вошли мой отец с Камуньясом. Наверное, папа допрашивал его. Мы поехали за ними туда на своих велосипедах. Точнее, все на своих, кроме нас с Алёной. Когда мы спустились с балкона после того циркового представления на площади, нам некогда было идти за великами. В общем, я поехал на велосипеде вместе с Томео. Усевшись сзади на багажник.

А Алёна... Алёна поехала на электросамокате с Тони.

– Он прикольный, – сказала она. – Ощущение, как будто летишь по воздуху.

Прикольный? Самокат Тони прикольный? Эээ... Даже не знаю, как сказать. Я посмотрел на Тонин драндулет. Нет, он правда был крутой: у него был мотор и всё такое. Но это же был самокат Тони! Тони: выпендрёжника с завышенным ЧСВ! И поэтому он по определению не мог быть приколь-

ным. И уж кто-кто, а Алёна должна была понимать это очень хорошо.

– На днях дам тебе самой поуправлять, – сказал Тони, обращаясь к Алёне.

– Вообще-то она больше всего любит велик, это всем известно, – поспешил вставить я.

– Да-да, – весело сазала Алёна, которую, похоже, очень радовала перспектива покататься на электросамокате, – но новое пробовать никто не запрещает!

Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли: я ничего не имею против электросамокатов. Даже если они японские. Но если этот самокат принадлежит Тони, я имею очень много всего против! Как Алёна вообще могла связаться с этим выпендрёжником?

Тут к полицейскому участку подошёл Кике, папа Камуньяса.

Увидев нас с другой стороны улицы, он сделал какой-то странный жест, то ли приветствия, то ли отчаяния. А потом пересёк улицу и вошёл внутрь.

– Яблоко от яблони недалеко падает, – сказал Тони.

Думаю, он имел в виду тот давний случай, когда отец Камуньяса сидел в тюрьме. Правда, не из-за пожара, а из-за аферы с футбольными матчами. Впрочем, это совсем другая история.

– Возможно, отец сможет рассказать сыну о своём тюремном опыте, даст ему полезные советы, – добавил Восьмой.

– Перестань, – сказала Анита. – Не смешно.

– Да я на полном серьёзе, вообще-то.

– Возникает вопрос: если его отправят в тюрьму или в исправительное учреждение, – сказал Томео, – кто будет стоять на воротах?

– Это единственное, что тебя беспокоит? – разочарованно произнесла Мэрилин. – Камуньяс – наш друг, и главное сейчас – понять, как ему помочь, а не о матчах думать...

– Да, да, именно это сейчас самое главное, – закивали мы все.

– Я сейчас говорю как друг, – добавила Мэрилин. – А как капитан, напоминая вам, что у нас есть Анита.

– Спасибо, – сказала Анита. – Я вообще-то тоже являюсь вратарём команды.

– Да, да, но ты запасной вратарь, – продолжал настаивать на своём Томео. – А я имею в виду главного. Основного вратаря. У нас его нет.

– Я, конечно, прошу прощения, – сказала Анита. – Но я думала, что мы тут все на равных.

– Так и есть, – поспешила согласиться Алёна.

– Конечно, на равных, – сказал Томео, – просто некоторые равнее.

Анита бросилась на Томео со своим велосипедом: кажется, она хотела его задавить.

– Я тебе покажу, – сказала она. – Тебе кажется, что ты играешь в команде, потому что ты очень крутой? Ты играешь, потому что ты здоровый и потому что никому больше не хо-

чется быть центральным защитником, вот и всё!

– Это неправда! Я как Серхио Рамос: мощный, неуступчивый и фотогеничный!

– Ага, один в один.

– Хорош нахваливать себя, а то сглазишь, – хихикнула Мэрилин.

Крик из полицейского участка заставил нас всех забыть о Томео.

– Я свободен!

Мы обернулись. Камуньяс стоял у дверей полицейского участка, победно воздев руки к небу:

– Меня освободили!

– Уже?

Мы столпились вокруг нашего друга. Он выглядел спокойным и счастливым.

– Что случилось?

– Тебя отпустили для последнего свидания?

– Тебя допрашивали?

– А в карцер водили?

– Тебя теперь посадят в тюрьму?

– Надолго?

– Ох, Камуньяс, мы будем скучать по тебе, – взвыл Грустный.

– Да нет же, нет! – воскликнул Камуньяс. – Меня поругали немного, объяснили, как опасно играть с зажигалками и вообще с огнём, и всё.

– Всё? – разочарованно протянул Томео. – А мы думали, что ты опасный преступник, хотели в тюрьме тебя навестить.

– Извините, что разочаровал, – сказал Камуньяс. – Но самое главное, главное... – и он вытаращил глаза так, как будто то, что он собирался сейчас сообщить, было по-настоящему бомбическим...

– Ну что? Что?

– Скажи уже это, Камуньяс!

– Не тяни, а то мы тебе уши оторвём!

– Самое главное, что пожар в заброшенном здании произошёл не по моей вине!

– Как?! Но ты же сам сознался! – не понял я.

– А вот так! – Камуньяс поднял одну бровь.

– Будешь объяснять или продолжишь выпендриваться? – спросила Мэрилин.

Камуньяс набрал в лёгкие побольше воздуха и сказал:

– Судя по всему, очаг возгорания находился на верхнем

этаже дома. На кухне. Они как-то это поняли. Так что это точно был не я, потому что я в дом вообще не заходил. Я был снаружи, когда играл с зажигалкой.

– Ничего не понимаю, – сказала Алёна.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал я, пытаясь уложить сказанное Камуньясом у себя в голове. – Ты хочешь сказать, что пока ты играл с зажигалкой, кто-то в это время поджёт дом?

– В это время, или немного раньше, или немного позже, я не знаю, – ответил Камуньяс. – Твой отец будет расследовать это.

– Может быть, кто-то увидел тебя с зажигалкой и решил воспользоваться случаем, чтобы поджечь дом и свалить вину на тебя, – сказала Мэрилин.

– Но кто это мог быть? – спросила Алёна. – И главное... зачем ему это понадобилось? Либо мы ошибаемся, либо мы столкнулись с тайной, которую рано или поздно придётся разгадать.

– Может, кстати, не было никакого поджога, – сказала Анита. – Может быть, вы не знаете, но восемьдесят процентов пожаров происходят по неосторожности или по естественным причинам.

– Я знаю только одно, – сказал Камуньяс, – что, по данным полиции, я не поджигал дом. И я свободен. Я больше не поджигатель!

– Жаль, – снова сказал Томео. – Я, конечно, был бы рад

иметь друга в тюрьме и рассказывать всем об этом...

– Томео!

– Да ладно, ладно...

Отец Камуньяса тоже вышел из полицейского участка и в замешательстве почесал затылок.

– Ребята, к этому пожару нужно отнестись очень серьёзно, – сказал он. – Лето только началось, и вы должны быть очень внимательными. Любая неосторожность может привести к настоящей катастрофе. Вы видели в новостях горящие леса, тысячи горящих деревьев. Чтобы восстановить землю после такой беды, потребуется много лет.

Мы все закивали.

– Не волнуйтесь. Мы будем осторожными, – сказала Мэрилин.

– И никаких игр с зажигалками, спичками или чем-то в этом роде, – добавил отец Камуньяса. – Поняли?

– Да, да...

Кике взял сына за руку и слегка тряхнул.

– На этот раз тебе повезло, – сказал он, – очень надеюсь, что такое больше не повторится.

– Нет, папа.

– Будешь ещё брать зажигалки?

– Нет, папа!

– Давай проведём каникулы спокойно, умоляю тебя!

– Нет, папа! То есть да, папа!

А потом произошло то, чего не ожидал никто.

К полицейскому участку подъехал мальчик на велосипеде и закричал:

– Пожар!

– Пожар! На помощь!!!

Пожар? Опять?! Это была шутка? Что вообще происходило? Мальчиком на велосипеде оказался... Грустный. Он на полном ходу подъехал к двери полицейского участка... И врезался в бордюр. Вылетел из седла. И приземлился на землю прямо перед нами. Похоже, бедняга неплохо ударился.

– Ты в порядке, Грустный? – спросила Алёна.

Тот поднял лицо. Вид у него был крайне испуганный. Что в случае с Грустным, конечно, не новость. Но на этот раз он казался ещё более напуганным, чем обычно. Он сказал:

– Горит здание администрации!

Администрация Севильи-ла-Чики, или мэрия, как её ещё называют, – это такое небольшое двухэтажное здание. На первом этаже там информационные центры и актовъй зал. На втором этаже офисы. Пламя вырывалось из окон второго этажа. Серьёзное такое пламя, которое сметало всё на своём пути. Всех людей из этого здания, а также из соседних эвакуировали. Огонь тем временем всё разгорался.

Когда мы все вдевятером приехали на место, пожарные уже возились со своими шлангами.

Им помогали несколько почтальонов, вышедших из отделения, расположенного через дорогу. Забавно было наблюдать, как пожарные и почтальоны вместе тушат огонь, дружно держась за пожарные шланги.

Тушили, кстати, водой. То ли у пожарных закончилась пена, то ли они решили, что водой в данном случае тушить лучше, не знаю.

– Это не я, – сказал Камуньяс.

– Конечно, не ты, – хмыкнул Тони. – Ты же в полицейском участке был. Ты, Уши, вообще не рождён для великих дел. На этот раз это был... Ты!

И Тони показал на Грустного, который не переставал дрожать всё это время.

Короче говоря, в то субботнее утро мы с Футбольнейшими только и делали, что бегали за огнём. Сначала был Огненный цирк, потом история с заброшенным домом, полицейский участок... А теперь ещё и мэрия!

– Да что ты такое говоришь! – возмутился Грустный. – Мне не нравится поджигать! Я вообще боюсь огня.

– Ну-ну, может, ты специально так говоришь, чтобы мы на тебя не подумали, – сказал Томео.

– Ты что, тоже меня подозреваешь? – испуганно спросил Грустный.

– Ну... Только потому, что ты первый увидел...

– Ничего не первый! Когда я побежал рассказать вам, из администрации уже куча людей выбежала. Я даже вторым не

был! Клянусь!

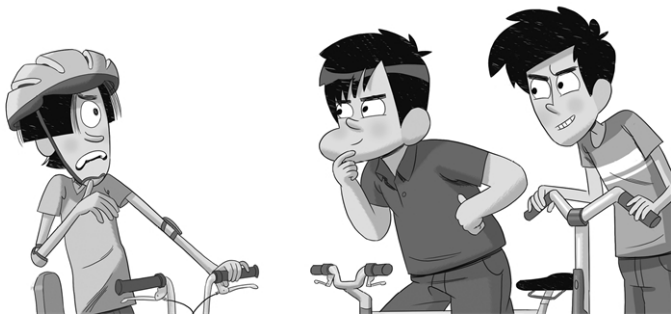
– Поживём-увидим, – сказал Тони. – Но на данный момент ты являешься одним из главных подозреваемых.

– Я не хочу быть подозреваемым!

– Оставь Грустного в покое, – сказала Алёна. – Может, этот пожар вообще случайно начался, и никто ничего не поджигал. Пожары из-за невнимательности каждый день возникают. Вот и Анита так говорит, а она всё знает.

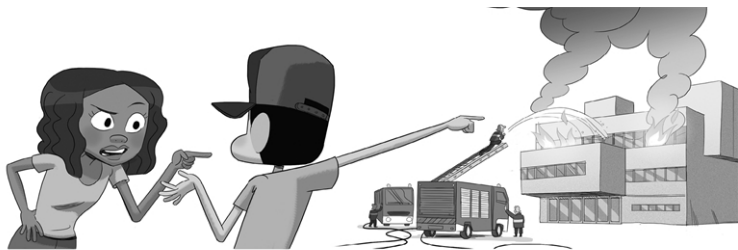
– Два пожара в один день, и оба по невнимательности? Что-то многовато совпадений! – воскликнул Восьмой.

– Если вас интересует мнение эксперта, – сказал Камуньяс, делая шаг вперёд, – то я могу поделиться с вами своими соображениями. Я внимательно рассмотрел здание мэрии и заметил, что из двух крайних окон вырывалось намного больше пламени, чем из средних. Значит, пожар начался одновременно в двух разных точках. Знаете почему? Потому что если поджечь в двух местах, огонь лучше распространяется!

– Ты так рассуждаешь, как будто ты пожарный, – сказала Мэрилин. – Одно дело – играть с зажигалкой, а другое – разбираться в настоящем огне.

– Извините, но я единственный из вас, кто устраивал пожар, так что я кое-что знаю, – выпятил грудь Камуньяс.

– Полиция сказала, что это был не ты! – напомнила ему Мэрилин.

– Они пока ничего не доказали! – настаивал на своём Камуньяс. – Пока не найдут виновного, поджог заброшенного дома за мной!

– Мечтать не вредно.

– Это правда был я!

– Ладно, не начинай.

Я сейчас скажу одну вещь, не знаю, насколько это сейчас важно, но скажу. Мэрилин и Камуньяс встречались какое-то время назад. Сейчас, наверное, уже нет, не уверен. Но раньше встречались точно. Я говорю это потому, что, возможно, поэтому они всегда так спорят. Говорят же, что милые бранятся – только тешатся. Есть вроде такая поговорка.

Конечно, это всё просто мои предположения. Но спор был такой, что прямо искры летели.

– Ты капитан команды и круто разбираешься в футболе, – продолжал распаляться Камуньяс. – Но о пожарах ты не знаешь ничего. И если бы нужно было выбрать среди нас эксперта по пожарам, это без сомнения был бы я!

– Чтобы называться экспертом, надо показать себя в деле!

– В любой момент, умница ты наша!

– Сам ты умник!

Тут в спор вмешалась Анита.

– Ребят, я думаю, что огня больше по краям просто потому, что пожарные начали тушить с центральных окон, вот и всё.

– Вот видишь! – сказала Мэрилин.

Шестеро пожарных и четверо почтальонов держали спасательное полотно, натянув его с четырёх концов. Они стояли прямо под окном, откуда минуту назад кричал мэр.

– Прыгайте, сеньор!

– Давайте, не думайте!

Мэр колебался. Поглаживая бороду, он смотрел вниз.

– Я плохо вижу, ребят! Не вижу, куда прыгать!!

Вокруг уже собралось множество зевак. Все наблюдали за происходящим. Многие снимали видео на телефоны.

– Сейчас вывешу на YouTube. Представляю, как взле-

тит! – воскликнул Томео, который стоял в толпе снимающих.

За спиной Густаво Феррады летали гигантские языки пламени. Это была настоящая огненная ловушка! Вырваться из неё можно было, только прыгнув вниз. В принципе, два этажа не такая большая высота. Но мэр наш – человек пожилой... Наконец, Густаво Феррада вздохнул, приподнял собачку так, чтобы все видели, и прокричал:

– Улисс пошёл!

С этими словами он чмокнул щенка в лоб... и бросил его в пустоту. Собака полетела вниз, а мы во все глаза принялись следить за её полётом. Больше всего он напоминал замедленную съёмку. Такое кино, главным героем которого была маленькая белая собачка. Щенок всё летел и летел... И наконец приземлился на полотно, подпрыгнув на нём несколько раз, как на батуте. А потом спокойненько спрыгнул на землю и, виляя хвостом, сказал:

– Гав, гав!

Это была идеальная мимимишная сцена.

Люди на улице заплодировали. На мгновение мне показалось, что я смотрю цирковой номер. Номер из программы Огненного цирка. Но нет. Это был никакой не номер и не шоу. Всё происходило в реальности, и пожар был самый настоящий. С настоящим горящим зданием: мэрией. И человек, который находился сейчас внутри, был в серьёзной опасности. Пожарные и почтальоны снова перевели взгляды на окно второго этажа.

– Сеньор, не думайте, прыгайте!

– Поторопитесь!

– Времени мало!

– Всего два этажа!

– Давайте, вы сможете!

Мэр кашлянул. Оглянулся. За ним была стена огня и дыма. Ждать больше было нельзя.

– Может, я мог бы лучше спуститься по пожарной лестнице? У вас же должна быть лестница? – робко уточнил Феррада, словно он не мэр был, а мальчишка, застрявший на соседской яблоне.

– Сожалеем, но у нас нет лестницы, – ответил один из пожарных. – Вы же сами сократили нам бюджет, в итоге мы отказались от лестниц.

– Чёртовы сокращения, – сказал мэр.

– Да ладно, сеньор, это совсем не страшно, просто не думайте, и всё! – взволнованно прокричал один из почтальонов, которому, казалось, не терпелось увидеть летящего по воздуху мэра.

Камуньяс, тоже очень взволнованный, принялся кричать:

– Прыгайте! Прыгайте! Прыгайте!

Поначалу все немного косо посмотрели на него. Но через мгновение все, кто был там, уже хором кричали:

– Прыгайте! Прыгайте! Прыгайте!

Мы с Алёной переглянулись... И тоже присоединились к всеобщему крику.

– Прыгайте! Прыгайте!

Густаво Феррада закрыл глаза и сказал:

– Ладно. Будь что будет! – и с этими словами полетел в темноту.

Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Чтобы самый настоящий мэр выпрыгивал из окна! Короче говоря, это

было нечто!

Через пару секунд Феррада уже лежал на полотне. Всё произошло очень быстро. Почему-то, в отличие от щенка, он падал совсем не как в замедленной съёмке. А наоборот, как будто даже с ускорением.

Я даже рассмотреть толком не успел, как это всё случилось. И от брезента, кстати, он не отскочил. Несмотря на то, что полотно держали десять человек, под весом мэра оно провисло так, что тот ударился о землю.

Послышался сухой стук. Что-то вроде: «Крок». Потом прозвучал звук «Арррррр». И наступила гробовая тишина. Пожарные и почтальоны окружили мэра.

Они всё ещё держали в руках брезент. Но мэр, похоже, лежал неподвижно.

Что случилось? Он что, ударился о землю? Превратился в лепёшку?

Через несколько секунд над брезентом показалась рука. Потом вторая. И мэр... встал. Выглядел он, конечно, помято. Но главное, он был жив и мог двигаться!

Все принялись восклицать и аплодировать.

– Да здравствует мэр!

– Мэр, вы, наверное, каучуковый!

– Оле-оле-оле!

Мэр поднял руку, приветствуя всех.

– Спасибо, спасибо, – сказал он, с трудом улыбаясь. – Похоже, я сломал всё. Ха, ха, ха.

Люди продолжали хлопать и смеяться. Одна очень крупная дама подошла к мэру с щенком на руках и протянула его ему.

– Ваша собачка, мэр.

Тот с видимым усилием взял пёсика.

Все фотографировали и снимали видео. Улисс, будто чувствуя внимание папарацци к своей персоне, высунул язык и лизнул мэра в нос. Неожиданно мэр стал главным героем пожара: человеком, который рисковал собственной жизнью, чтобы спасти свою собаку.

– Это ерунда, – говорил он. – Любой на моём месте сделал бы то же самое.

Немного погодя прибыла полиция, то есть мой отец, и машина скорой помощи. И Ферраду увезли.

Тем временем пожарные снова взялись за дело. Ведь пожар всё ещё не был потушен.

– Я всё снял! Народ, это будет бомба! – восклицал Томео, размахивая телефоном.

– Не хочу отнимать у тебя надежды, чувак, – сказал Восьмой, – но думаю, что человек сто или даже больше сделали то же самое.

И действительно, почти все присутствующие увековечили легендарный момент.

– Ну и пусть, зато моя точка зрения уникальная, – не сдавался Томео.

– Я тоже записал, – сказал Камуньяс, – а ещё я могу дать

показания как эксперт по пожарам.

Тут ко мне подошла Алёна.

– Два пожара подряд, – сказала она.

– Немного странно, нет? – я посмотрел на неё.

– Думаю, это случайность, – пожала плечами Алёна.

– Наверное, – кивнул я.

По субботам у меня дома нет ни телека, ни Плейстейшен. Фильмы и сериалы на компьютере тоже нельзя смотреть. Можно только музыку слушать и всё. Дело в том, что с некоторых пор суббота в моей семье – это день музыки. Только музыка, и ничего другого. Никаких новостей, сериалов, фильмов, ток-шоу, телеконкурсов и видеоигр.

Такая вот традиция. И придумала её мама.

– Хватит смотреть всякую чушь, – сказала она однажды.

– Ты о чём, Хуана? – спросил мой отец, делая вид, что не понимает.

– Ты прекрасно знаешь, о чём, – сказала моя мама. – Дети и мы сами целыми днями смотрим что-то по телевизору, на компьютере, на мобильном, планшете. Плейстейшен этот опять же. Это нехорошо. Я прочитала: экраны ослабляют мозг. Мы можем отупеть.

– Знаешь, что я тебе скажу? – ответил мой отец. – Что ты абсолютно права.

В этот момент мы с братом Виктором как раз сидели на диване и собирались играть в SCRAFT 3 на Wii*.

– Меньше экранов и больше музыки: вот, что нужно нашей семье, – добавила мама.

Тут отец резко разогнулся, как пружина, и сказал:

– Какая хорошая идея, Хуана. Что ни говори, ты лучшая жена и лучшая мать на свете.

– Не подлизывайся. Если ты надеешься, что я освобожу тебя от похода к моим родителям на следующей неделе, то можешь даже не пытаться.

– Да о чём ты! Я очень хочу пойти. А сейчас я просто сказал то, что пришло мне в голову, вот и всё, – принялся оправдываться мой отец. – Какой там у нас день сегодня?

– Суббота, 12 мая.

– Ну, вот и хорошо, – сказал мой отец. – С этого момента суббота в нашей семье объявляется днём музыки.

– Идеально! – захлопала в ладоши мама. – Суббота: день музыки. Не знаю даже, как мы раньше до этого не додумались.

Когда мои родители спорят, их очень тяжело переносить. Но когда они соглашаются друг с другом, это, по-моему, ещё хуже.

День музыки. Пфф.

– А что именно это означает? – спросил Виктор, продолжая нажимать кнопки на джойстике: в этот момент он поколачивал тролля отбойным молотком.

– Это означает, что по субботам все гаджеты будут под запретом, – сказал мой отец.

– То есть как это все?

– А вот так!

И, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, мой отец вырубил игру. Дело принимало серьёзный оборот.

– Ну папа! – запротестовал я.

– Музыка питает душу, – сказала мама, подключая в этот момент наш старый iPod к динамикам.

– Когда-нибудь вы скажете нам спасибо, – сказал мой отец.

Когда-нибудь, может, и скажем. Но точно не сегодня.

Из колонок зазвучала ужасная песня. По-видимому, моя мама её очень любила. Потому что, как оказалось, она знала текст наизусть! Она принялась напевать:

– Двадцатое апреля, девяностый год. Привет, малышка, как твои дела....

Моя мать, казалось, была в восторге от песни.

– Это Сельтас Кортос*, – объяснил мой отец. – Они луч-

шие.

И тоже начал напевать:

– Как у тебя с тем парнем? Детей не завели?

Эти двое двигались в ритме музыки и пели. Выглядело это ужасно.

Я уже говорил, что для меня в сто раз лучше, когда они спорят, чем когда они заодно. Короче говоря, с того дня по субботам у нас можно только слушать музыку. И всё. Но мы же не дураки. Слава богу, в других домах таких идиотских правил нет. Поэтому мы начали искать предлоги, чтобы сбежать из дома и забуриться к кому-нибудь в гости. К сожалению, нам это удавалось не всегда. Как в тот полдень, когда мы все вчетвером сидели дома. Мой брат включил на полную громкость какую-то музыку в гостиной. Кажется, это был хип-хоп.

Хип-хоп – это такая музыка, в которой не поют, а кричат всякие слова под повторяющуюся мелодию. Мой брат с ума сходит от такого.

– Очень хорошо, Виктор, – сказала моя мать, делая над собой заметное усилие, чтобы никто не догадался, что ей не очень нравится песня. – Так и должно быть. У каждого есть свои музыкальные вкусы, и то, что нравится кому-то одному из нас, не обязательно должно нравиться всем остальным. Главное, чтобы вам в принципе нравилась музыка, мелодии, сама тема.

Тут в гостиную вошёл мой отец. Вид у него был ужасно

НЕДОВОЛЬНЫЙ.

– Что это за ужас? Виктор, выключи немедленно!

– Эмилио, – мягко сказала мама, – сегодня суббота, и каждый член нашей семьи имеет право слушать любую музыку, какую захочет! Давайте будем уважать музыкальные вкусы друг друга.

– Да, да, Хуана, но это просто...

– Никаких просто! Сегодня день музыки. Сейчас очередь Виктора, а потом ты поставишь то, что тебе хочется.

Тем временем Виктор двигался в такт песне, как одержимый. По правде говоря, она была ужасная. Она сильно отличалась от того, что ставили мои родители, но была ничуть не лучше, это точно. У меня такое ощущение, что, когда человек немного подрастает, он автоматически теряет вкус к музыке и вообще ко всему. Взять, например, одежду. В какой-то момент мой брат начал носить вещи, которые были ему велики и смотрелись на нём ужасно. Но он этого как буд-

то даже не замечал!

Я надеюсь, что со мной такое никогда в жизни не случится.

– Папа, а насчёт пожара что-нибудь уже известно? – спросил я.

– Пока нет, – отец втащил на кухню два огромных пластиковых пакета и водрузил их на стол. – Извините, но из-за этой кутерьмы с пожарами у меня совсем не было времени заниматься продуктами, так что я купил курицу-гриль. И чипсы.

– Так нечестно! Ты не можешь просто взять и купить готовую курицу, когда наступает твоя очередь готовить! – возмутилась мама.

– Почему же не могу? Я и пиццу иногда приношу, – сказал папа.

– Нет, вы только послушайте, какой умник! Ваш отец, похоже, записался в Клуб весёлых и находчивых. Знаешь что? Завтра на игре я оставлю тебя на скамейке запасных.

– Меня? Ты хочешь оставить супервратаря на скамейке запасных? Пилить сук, на котором сидишь, не самая лучшая идея, дорогая.

– Ну, тогда взбодрись и делай своё дело, дорогой, – сказала она.

Традиционная игра, которая на следующий день должна была состояться между командой родителей и командой детей, никогда не обходилась для нашей семьи без послед-

ствий. Моя мама, тренер взрослой команды, мой отец, их вратарь, и я, нападающий детской команды, – все мы ужасно спорили и ругались.

Отец разделил курицу и картошку фри на четыре части.

Нет, всё-таки кое-что хорошее у дня музыки было.

Дело в том, что в этот день необязательно было есть за столом. В виде исключения в субботу все могли есть там, где нам заблагорассудится. На диване, на крыльце, на кухне... Я взял свою тарелку и пошёл в свою комнату. Отец направился в свой кабинет. А моя мать – в свою спальню. В гостиной остался только мой брат со своим хип-хопом. Поскольку музыка заглушала всё на свете, я подумал, что ничего не произойдёт, если я одним глазком гляну новости у себя на компьютере. Было очень интересно, что пишут про пожары. Я включил комп, и он загудел так, как гудят компы, когда их включают. Не очень громко, но всё же.

На всякий случай я посмотрел на дверь. Закрыта. Не услышали. Спасибо тебе, Виктор, за твой хип-хоп! Я набрал в поисковике «Пожары. Севилья-ла-Чика», и он сразу выдал кучу ссылок. Главным героем новостей был один и тот же человек. Густаво Феррада. На всех фотографиях он стоял у окна с щенком на руках, на фоне огня, который собирается его поглотить.

В новостях говорили о мэре, который рисковал жизнью, чтобы спасти свою собачку. Политик, достойный подражания: так называли его журналисты. Ещё там было видео па-

дающих Улисса и Фернанды. Вскользь замечалось, что здание администрации прогорело чуть не подчистую. И ни единого упоминания о пожаре в заброшенном доме. Я думаю, что это оттого, что старый сгоревший пригородный дом не тянул на новость. И ещё я думаю, что два этих пожара не были связаны друг с другом. Вдруг я услышал аплодисменты. Они шли явно не из моего компьютера.

Я уменьшил громкость и прислушался. Звуки шли из коридора. Я высунул голову. Внизу, в гостиной, орал хип-хоп моего брата. Но кроме этого, был ещё звук, который шёл прямо из комнаты моих родителей. Я медленно приблизился, стараясь двигаться бесшумно.

Дверь была немного приоткрыта. Я медленно выглянул. И увидел следующую картину. Моя мать сидела в постели и... смотрела новости на своём ноутбуке!

Насколько я мог слышать, моя мать тоже смотрела ново-

сти про пожар и про мэра. Это было возмутительно. Мама – и нарушила правило дня музыки! Правило дня без экранов, которое сама же и придумала. Одно дело, если бы я его нарушил. Но она! Я уже был готов войти и сказать ей всё, что я об этом думаю. Но в этот момент... я услышал другой подозрительный звук, на этот раз идущий снизу. Этого не могло быть. Я осторожно спустился по лестнице. В гостиной мой брат двигался в ритме музыки, ничего не подозревая. А из двери папиного кабинета доносились звуки, которые трудно было с чем-нибудь перепутать. Я отчётливо услышал: «Мэр заявил, что любой на его месте сделал бы то же самое...». Новости! А вот это вот точно была последняя капля. Не раздумывая больше ни секунды, я распахнул дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.